

18.07.2016

Почему любой исход переворота был проигрышем для Турции

Павел
Шлыков

Около трехсот погибших, тысячи раненых и почти шесть тысяч арестованных. Неудавшийся военный переворот в Турции оставляет много вопросов, главный из которых – не было ли все случившееся жестокой провокацией. Но одно уже очевидно – долгожданное национальное примирение внутри страны, на которое многие рассчитывали после перезагрузки отношений Турции с Россией и Израилем, будет свернуто не начавшись

В новейшей истории Ближнего Востока главные политические изменения, как правило, проходили при активном участии армии. Военные свергали монархов и президентов, распускали парламенты и политические партии, назначали министров и премьеров. Фактически вооруженные силы в этих странах формировали стратегическую элиту – особую социальную группу, чьи решения, суждения и действия были определяющими для общества.

Процесс политического развития Турецкой Республики в этом плане всегда был показателен. Турция – страна, где вооруженные силы весь XX век играли доминирующую роль в политике. Еще в начале прошлого столетия Младотурецкая и Кемалистская революции заложили традицию активной роли военных в усилении централизованного государственного правления для решения социальных проблем и ускоренного преодоления экономической отсталости. Даже после перехода к многопартийности военные вопреки желанию и усилиям многих гражданских политиков не только не оставили свои позиции стратегической элиты, но и заметно укрепили свое политическое влияние.

Начиная с 1960 года турецкая армия смогла осуществить четыре успешных военных переворота. В 1960 году военные казнили первого «народно избранного» премьер-министра Аднана Мендереса, сформировали Совет национальной безопасности и учредили свои суды, создав своего рода параллельное государство. В 1971 году армия сместила правительство Демиреля, не сумевшее обуздать уличные беспорядки. В 1980 году генералы укрепили свою власть и влияние, приняв новую Конституцию, которая существенно ограничила многие политические свободы. В 1997 году армия сместила первое в истории страны происламское правительство Неджметтина Эрбакана под предлогом того, что оно стремится утвердить в Турции шариат и превратить страну в исламскую республику.

В 2007 году турецкие военные пригрозили правительству, опубликовав на сайте Генштаба интернет-меморандум с предупреждением, что не позволят попираť светские принципы устройства республики и готовы выступить, если на пост президента будут проталкивать происламского кандидата Абдуллаха Гюля. Однако Гюль благополучно избрали, хотя для этого потребовался роспуск парламента и досрочные выборы. По политическому влиянию армии был нанесен сокрушительный удар.

Демонтаж влияния

Наступление на политические позиции армии, которое начало правительство Эрдогана с середины 2000-х годов (масштабные законодательные реформы, демонтаж особого порядка во всем для военных, бесчисленные уголовные дела против действующих офицеров – «Эргенекон», операция «Кувалда», план «Клетка» и т.д., по которым было арестовано более четырехсот человек), привело к тому, что уже в начале 2010-х годов военная элита оказалась полностью деморализованной. Ни президенту, ни правительству уже больше не требовалось прислушиваться к генералам.

Более того, Эрдоган начал структурно реформировать офицерский корпус – на руководящие должности продвигали исключительно лояльных кандидатов, над армейскими офицерами установили контроль со стороны Национальной разведывательной организации (известной под турецким акронимом МИТ). В ходе этих преобразований из самой МИТ, где ранее более трети всех сотрудников

составляли выходцы из регулярной армии, были по максимуму вычищены армейские офицеры (их сейчас, по разным подсчетам, менее 5%).

Офицеры МИТ – внутренней спецслужбы, которые исторически были в авангарде политической активности армии, стали наиболее лояльной властью военной структурой. Неслучайно руководитель МИТ Хакан Фидан последние пару лет выступал своего рода правой рукой Эрдогана, а сама МИТ оказалась замешана во многих неоднозначных историях, вроде переброски боеприпасов исламистам, контактов с боевиками запрещенного в РФ ИГИЛ, контрабанды нефти и так далее.

Протесты вокруг парка Гези в Стамбуле летом 2013 года, последующая волна антиправительственных митингов по всей Турции, а главное, небывалый по своим масштабам коррупционный скандал в декабре 2013-го, в организации которых власти обвинили бывшего союзника Эрдогана – живущего в США проповедника Фетхуллага Гюлена, сильно поменяли выстраиваемую модель военно-гражданских отношений. В 2014 году турецкие власти начали пересматривать громкие дела, где фигурантами были генералы, известные общественные деятели, политики. На свободу отпустили самого высокопоставленного узника стамбульской тюрьмы Силиври – бывшего начальника Генштаба Илькера Башбуга, а за ним сотни других офицеров, дела которых в спешном порядке закрывали или отправляли на повторное расследование.

Все это вкупе с обострением ситуации по периметру турецких границ и фактическим началом гражданской войны с курдами создало ощущение, что у армии появилась возможность вернуть себе утраченные позиции в реальной политике. Ведь удивительная лояльность турецкого общества по отношению к военным вызвана не только спецификой формирования вооруженных сил и всеобщей воинской повинностью, но и причинами институционального и системного характера.

Во-первых, это геополитический фактор. Внешние угрозы и угрозы терроризма создают у турецких граждан потребность в доверии к своей армии. Сегодня любой из них согласен, что Турции необходимо иметь сильную армию, способную отрезвить всякого потенциального противника. Споры касаются лишь отношений армии и политики.

Во-вторых, это огромная конструктивная роль, которую армия сыграла в становлении современного турецкого государства и его конституционном развитии. В-третьих, турецкая армия опирается на вековую институциональную историю: ей не пришлось пережить катастрофу разрушения, она сохранила систему своих ценностей и традиций. Наконец, своей популярностью армия обязана национальной системе образования Турции: в школах с малых лет учат, что «каждый турок – прирожденный солдат».

Трудности переворота

Почему же тогда последний военный переворот так бесславно провалился? Одна из главных причин неудачи – численный перевес активных участников событий оказался не в пользу путчистов. Это стало понятно уже после первых часов противостояния, когда не удалось удержать контроль над ключевыми для любого военного переворота объектами. Как выяснилось впоследствии, было задействовано всего два вертолета, семь танков, два военных самолета и примерно 350 человек личного состава.

Поначалу казалось, что действия военных были хрестоматийными: захват правительственных зданий и транспортных узлов (крупнейший аэропорт и мосты через Босфор), удары по штаб-квартире национального разведывательного управления, блокировка сотовой связи, социальных сетей и вещания международных туркоязычных телеканалов (BBC, Euronews, CNN Turk), штурм офиса ведущего СМИ – Турецкого радио и телевидения (TRT). Но как только в неподконтрольных мятежникам СМИ начали появляться заявления премьера Бинали Йылдырыма, а потом и самого Эрдогана, стал очевиден главный промах – политическое руководство страны не задержано, не арестован ни президент, ни премьер, ни даже какой-либо министр. За несколько часов Эрдогану и его соратникам удалось сориентироваться и скоординировать ответный удар силами лояльных армейских подразделений и полиции.

Вторая проблема – мобилизация сторонников: у мятежников их было немало, достаточно посмотреть на то, с какой скоростью по социальным сетям распространялись твиты с поддержкой военных, с каким воодушевлением на выступление отреагировали в Анкаре и Анталии. В обращении к нации «комитета мира» (так себя называли организаторы переворота), зачитанном по телевидению и радио, был призыв сохранять спокойствие и оставаться дома. Эрдоган же в привычной для него манере призвал сторонников выйти на улицы – буквально лечь под танки. Любоедский по своей сути призыв президента был воспринят как сигнал к действию. Сторонники Эрдогана оказались более активными и организованными, а главное – подготовленными не только к виртуальной борьбе в социальных сетях, но и к реальным действиям.

Помимо дефицита организованной народной поддержки, мятежникам не хватило идейно-политического и командного сопровождения. Ни одна политическая партия не выступила с открытой поддержкой военных, никто из известных персонажей не взял на себя публично функции лидера. Все это создало ощущение, словно кто-то приказал военным предпринять конкретные шаги, а затем бросил на произвол судьбы: солдаты-срочники, которых озверевшая толпа начала линчевать на мосту через Босфор, кричали, что их вообще подняли по учебной тревоге. Слом сценария буквально в первые часы переворота обрек мятежников на поражение.

Главной причиной провала стала слишком слабая подготовка. Дальше можно строить разные версии. Возможно, тайные приготовления к перевороту вскрылись, потребовалось сместить сроки, чтобы перехватить инициативу, но технически все оказалось неосуществимым. Несогласованность и хаотичность переворота были такими, что даже вызвали подозрения, что все происходящее – чудовищная инсценировка и провокация.

Ни один из высших офицеров не выступил публично с поддержкой или осуждением, ни один политик никак не связал себя с происходящим. Зато были арестованы без малого три тысячи офицеров разных рангов и простых военнослужащих. Словно чистку армейских рядов, намечавшуюся на начало августа (в рамках традиционного заседания Высшего военного совета) и вызывавшую отчаянное сопротивление среди военных и в Генштабе, провели досрочно и в полном объеме. Причем чистка коснулась не только офицеров. По горячим следам мятежа от работы отстранили 2745 судей, пять человек вывели из правления Высшего совета судей и прокуроров, выдали ордера на арест 140 судей Конституционного и 48 судей Верховного суда. Уволены со своих постов мэры городов и начальники гарнизонов.

Еще больше вопросов вызывает сама неуклюжая механика неудавшегося переворота и разительные отличия событий 15–16 июля от всех предшествующих эпизодов новейшей истории Турции, когда военные вмешивались в политику. Традиционный сценарий предполагал строгую последовательность: арест политического руководства, захват парламента, правительственных зданий, радио и телевидения. Это позволяло установить контроль над всей государственной системой.

Здесь же слабо организованный мятеж шел синхронно с его хорошо организованным умирением. Мятежники занимались не столько захватом власти, сколько созданием шумовых эффектов: бреющие полеты самолетов над столицей, перекрытие мостов через Босфор, по которому накануне выходных всегда очень интенсивное движение, идеалистические заявления по центральному телевидению при совершенно другой картинке по другим каналам. Премьер Йылдырым и другие члены правительства буквально сразу же после демонстративного перекрытия Босфора стали выступать во всех СМИ с успокоительными заявлениями о «попытке переворота небольшой группой офицеров», а через развешанные по всей Турции громкоговорители для призыва к намазу зазвучали призывы имамов выйти на улицы и поддержать действующую власть.

Проигрыш Турции

Сторонники Эрдогана празднуют победу над путчистами, по всей стране началась охота на реальных и мнимых врагов режима, главным виновником случившегося досрочно и без всяких расследований объявлен Фетхуллах Гюлен, экстрадицию которого публично требуют от США. Все эти поиски врагов внутри и вовне вызывают стойкое ощущение дежавю совсем недавнего прошлого. Всего шесть лет назад, подводя промежуточные итоги своего правления в предвыборном 2010 году, Эрдоган говорил своим сторонникам: «До прихода к власти ПСР Турция представляла собой страну, с трех сторон окруженную морем и с четырех сторон окруженную врагами... В каждом мерещился потенциальный враг. Каждая страна подозревалась в вынашивании грязных планов в отношении Турции... Вину за каждую неудачу правительство “старой Турции” возлагало на воображаемых врагов... поэтому Турция и не могла вырваться из замкнутого круга социально-экономического и политического кризиса».

Поразительно, но спустя каких-то два года Эрдоган, воодушевленный небывалым ростом поддержки на выборах 2011 года, не только разрушил прежнюю систему сдержек и противовесов в партии, правительстве и ключевых государственных институтах (на важнейшие посты стали назначать только лично лояльных Эрдогану людей), но и взял на вооружение риторику своих старых оппонентов. Особенно после протестов защитников парка Гези летом 2013 года. Эрдоган все настойчивее стал повторять тезис о врагах и недругах, которые окружают Турцию и готовят заговоры против законно избранного правительства.

Риторика подзабытого уже «севрского синдрома» неплохо работала в деле мобилизации религиозно и консервативно настроенной части общества, но никак не смогла спасти падающую лиру, не помогла вернуть доверие иностранных инвесторов, все меньше готовых вкладывать в турецкую экономику, или туристов, поток которых катастрофически сокращался. На одной пропаганде далеко не уедешь.

Проблемы того, что турецкие власти начали осознавать глубину кризиса, можно было увидеть в предпринятых шагах по примирению с Россией и Израилем и в обещаниях премьера Бинали Йылдырыма нормализовать отношения по всем азимутам.

Однако внутреннее, общенациональное примирение для Турции сейчас еще более актуальная задача, чем налаживание отношений с соседями. И до последнего времени казалось, что понимание этого приходит к политической элите Турции. Неслучайно с программной статьей о национальном примирении не так давно выступил деятель такого калибра, как экс-спикер парламента и крупный функционер ПСР Джемаль Чичек.

Вот только нужен ли мир внутри страны правительству, у которого даже показатели экономического роста оказались привязаны к повышению расходов на спецоперации, экстренную медицину и восстановление разрушенных городов, а необходимого процента на выборах удалось достичь только в условиях гражданской войны против курдов? С началом репрессий и следующего за ними укрепления власти Эрдогана перспектива национального примирения тает на глазах. Становится очевидным, кто на самом деле проиграл в неудавшейся попытке военного переворота.

Источник <http://carnegie.ru><http://carnegie.ru/commentary/2016/07/18/ru-64098/j317>